

Третий день новой жизни Питера Фонтена выдался особенно жарким, солнце так нагревало доски, что из дерева вытапливалась смола и стекала по стенкам дощатого узилища, приклеиваясь к спинам сидевших в синдоне обнаженных узников. Помимо Питера и Крафта, в их отделении находились еще трое рабов — надорвавшиеся на галере гребцы, которым дали последний шанс доказать свою нужность. У двоих из них дела шли на поправку, а третий продолжал слабеть, и по поводу его участи уже ни у кого не возникало сомнений. Обессилевших рабов выбрасывали за борт.

Предатель Густав сидел в другом отделении синдона, за частой деревянной решеткой. Он старался не смотреть в сторону Питера и Крафта, понимая, что, окажись с ними в одной ячейке, не прожил бы и часа. Компанию ему составляли два чернокожих раба-канкийца. Они совсем не знали яни, и Густаву не с кем были перекинуться даже парой слов.

Впрочем, в тесном синдоне в такую жару никто итак ни с кем не разговаривал. Узники тупо таращились в одну точку, ожидая лишь одного — когда принесут теплой воды. О еде думали меньше, есть совсем не хотелось.

— Ум! Ката-а! Ум! Ката-та! — доносилось с нижней палубы. Галера вышла на быстрое течение, и капитан решил скорее этим воспользоваться. До этого галера двое суток шла под парусом.

Проникавшие через щели между досок лучи стали прочерчивать по стенам синдона и вспотевшим телам

узников длинные дуги — галера разворачивалась. Солнце попало в глаза Питеру, и он зажмурился.

Послышался шелест полотна: парус убирали — течение властно увлекало галеру за собой.

Протопал в деревянных башмаках кок. Перекинувшись с кем-то парой слов, он засмеялся, потом вернулся к синдону и, позвенец цепями, снял деревянный засов. Распахнув дверь, заглянул в темную нору узилища и спросил:

— Живы еще, мерзавцы?

Разумеется, ему никто не ответил, это было вроде одностороннего приветствия.

— Получите свое дерьмо...

С этими словами он забросил в синдон несколько кусков зачерствелого хлеба, который узники сразу же разобрали, однако есть не торопились — ждали воды.

— Первый — держи... — объявил кок, подавая мерку с водой. Вылить ее было некуда, поэтому следовало набрать воду в рот и потом постепенно глотать — так жажда утолялась лучше. Питер и Крафт были с этим хорошо знакомы, им уже приходилось выживать в тяжелых условиях.

Первый, второй, третий... Узники без задержки возвращали пустую мерку, не давая коку повода для наказания, и это злило его. Отвесить затрещину любому из них он мог вполне безбоязненно, однако больше ему нравилось выискивать какой-то повод.

Так вели себя почти все члены команды, это давало им возможность почувствовать себя вершителем судеб, даже самым никчемным из пиратов, трусивших при виде каждого встречного паруса.

Разобравшись с одной ячейкой, кок обошел синдон и открыл клетушку со стороны Густава.

— Живы еще, мерзавцы? Получите свое дерьмо...

Все как обычно, кок не блистал разнообразием. Те же фразы он говорил и узникам другого синдона, расположенного на корме. Туда отправляли прощтрафив-

шихся, поскольку из-за сильной качки уже через несколько дней тошнить там начинало даже бывалых моряков.

— А ты что зенки выпучил?

Питер повернул голову — через частую деревянную решетку ему не было видно, к кому обращался кок.

— Ты не с севера, случаем, уж больно морда знакомая?

— Я литонец, ваша милость, из Пярту! — торопливо заговорил Густав, ему показалось, что более близкое знакомство с коком принесет послабления.

— У меня свояк из тех же краев, такая же сволочь...

С этими словами кок заехал кулаком в лицо высу- нувшемуся Густаву и захохотал.

Крафт с Питером переглянулись, и на их лицах появились улыбки, ведь это Густав продал их в рабство на пиратский корабль. Хотел заработать денег на дорогу в родной Пярту, поближе к коровкам, но прогадал и попался в сети сам, разделив участь своих жертв.

Кок ушел. Питер вытянул занемевшую ногу, а другую подложил под себя — вытянуть одновременно обе ноги возможности не было, в ячейке не хватало места.

— Они уже воняют, Зеб, почему ты не достанешь воды? — Это был голос неугомонного кока, который не оставлял в покое даже матросов.

— Я смываю их после полуденных склянок...

— Но сегодня же пекло — смой, прошу тебя, я не могу готовить похлебку, запах дерьма забивает запах чечевицы!

Питер внимательно прислушивался к этой перепалке; более ранняя смывка их дерьма, которое падало сквозь решетчатый пол на деревянный поддон, приносила недолгую прохладу от морской воды. Однако Зеб, похоже, к словам кока не прислушался.

Питер вздохнул: значит, придется жариться в этом пекле еще целый час. Между тем ослабевший узник

уже едва дышал, и ему небольшой душ совсем не помешал бы.

— Эй, Зеб, достань воды, — раздался голос капитана, гросса Эрваста, того самого, который торговался с Густавом. Питер заметил, что капитана на галере боялись как огня, хотя он никогда не повышал голос — любой матрос исполнял его приказание бегом.

Послышался плеск упавшего за борт ведра, затем торопливые шаги, и, наконец, из-под решетчатого пола в ячейку попали освежающие брызги.

Питер прикрыл от удовольствия глаза, наслаждаясь короткими мгновениями прохлады, Крафт растер попавшую на ладони влагу по лицу. Неожиданно зазвенели цепи, узкая дверца в ячейку открылась, и в проеме показался сам капитан. Питеру показалось, что слегка выпученные глаза этого страшного человека смотрят прямо на него.

— Эй, ты, подайся в сторону, — негромко приказал капитан, и Питер вжался в стенку, поняв, что главного пирата интересует не он.

Находившиеся в ячейке узники затаили дыхание, ведь от одного слова главного пирата зависела их жизнь.

— Да, похоже, он уже не выкарабкается, — произнес капитан, не обращая ни к кому.

— Ну-ка, давайте его сюда — ты, молодой, тащи его сюда!

На этот раз капитан, без сомнения, обращался к Питеру, и он, не желая искушать судьбу, схватил ослабевшего узника за руку и стал торопливо подталкивать к дверце. Крафт и двое других рабов начали ему помогать.

Снаружи обреченного подхватил Зеб, и через мгновение легкое тело полетело за борт. Негромкий всплеск — и дверцу закрыли, ячейка снова погрузилась в полумрак, оставшиеся в ней с облегчением распрямили ноги — теперь места хватало.

Ни Питер, ни Крафт, ни другие узники не думали о том, что следующими могут оказаться они — это подразумевалось самим статусом раба, человека без имени, человека-вещи.

2

Капитан спустился в свою каюту и, подойдя к столику, вынул из медной оплетки стеклянную колбу с розовой водой, снял войлочную шапочку и брызнул на лысую голову несколько капель. Потом освежил лицо и бережно вернул колбу на место.

И сам сосуд, и его содержимое стоили немалых денег, хватило бы, пожалуй, на полдюжины хороших гребцов, но роскошь и комфорт были тем немногим, что помогало капитану Эрварсту мириться с жарой, невымытыми матросами и жестокостью порядков на Савойском море. Здесь можно было взять хорошего «купца», набитого шелками и шоколадом, а на другой день стать жертвой пиратской флотилии гунсегов, орков с западного побережья, промышлявших на скоростных скрогах по всем торговым путям.

С императорскими галерами еще можно было как-то разойтись миром, выдав себя за добропорядочного купца, однако с орками приходилось драться — уйти от них, если уже те «сели на корму», никогда не удавалось. Спасало лишь то, что галера Эрваста имела команду из сорока человек да шестьдесят гребцов на нижней палубе. Разумеется, она проигрывала легким скоростным судам, зато команда могла отбиваться от врага, а судно при этом не теряло ход.

В схватках с гунсегами это было особенно важно, поскольку троих орков на палубе было достаточно, чтобы захватить всю галеру, они дрались каждый за десятерых.

В стойку перегородки дважды ударили — это был

условный сигнал от Салима, помощника капитана, ведавшего порядками на нижней палубе. Видимо, у него было что сказать капитану, но Эрваст не отвечал, пауза затягивалась. Салим знал, что капитан его слышит, и в конце концов тот ударил в ответ, давая понять, что примет помощника с докладом.

«Что там могло случиться? Идем по течению — гребцы отдыхают...» — подумал капитан и, скинув мягкие юфтевые туфли, вытянулся на тахте. Потом потянулся и оглядел каюту. Она ломилась от излишеств — ковров, шелковых накидок, резных ларцов и шкафчиков, заставленных серебряными и золотыми статуэтками. Скорее так подобало бы обустроить дамскую спальню, нежели жилище предводителя пиратов, но Эрваст провел восемь лет на скамье галеры, а до этого прожил десять лет в услужении у мукомола, поэтому тяга к богатой жизни и красивым вещам была в нем безгранична. При захвате трофеев он пропускал через свои руки каждую безделушку в надежде найти для нее место у себя в каюте, но там уже был заставлен каждый дюйм, и время от времени Эрвасту приходилось избавляться от шелков, мехов, дорогих халатов и громоздкой мебели, продавая их в очередном порту.

— Разрешите, хозяин? — спросил Салим, приоткрывая тонкую решетчатую дверцу.

— Заходи, — отозвался капитан, надевая шапочку и садясь на кушетке.

Получение доклада подразумевало и приличествующую позу. Эрваст держал своих людей в черном теле, однако демонстрировал им свое уважение. Иногда это ценилось дороже золотых дукатов, и за пять лет, что галера Эрваста бороздила Савойское море, у него было только два бунта, в то время как у других пиратских капитанов таких случалось по два за год.

Салим вошел и остановился возле двери — дальше была территория капитана.

— Кровавый понос, хозяин.

— Сколько человек?

— Четверо.

— Давно заметил?

— С ночи. Барабан первым определил — слишком часто до ветру отпрашивались.

— Где они?

— На палубе.

— Хорошо. За борт их, рисковать мы не можем.

— Как скажете, хозяин.

— Воду давай только из серебряной посуды и гребцам, и охранникам.

— Уже даю.

— Тогда — все.

Салим повернулся и собрался уйти, но капитан остановил его одной фразой:

— Ты, конечно, слышал о Голубом Суринаме?

Салим замер, словно парализованный змеиным укусом, затем медленно повернулся. Его лицо было перекошено сильнее обычной страшной маски, оставшейся после пережитого сабельного удара.

— Хозяин... но ведь это верная смерть... — произнес он севшим голосом.

— Почему — верная? — уточнил Эрваст. Мнение Салима было для него важно, ведь, объяви он команде о походе к Голубому Суринаму, почти неизбежно вспыхнет мятеж.

— Потому что никто не вернулся оттуда живым!

— Ты считаешь, что Голубого Суринама не существует?

— Нет, хозяин, как раз в его существование я верю. Мой земляк Йохим на галере капитана Сарьера доплывал до острова и видел его свечение, однако течение снесло их на запад. Йохиму я верю, но также я помню многих из тех, кто уходил к Голубому Суринаму и не возвращался.

Эрваст поднялся с кушетки и, подойдя к Салиму вплотную, спросил:

— Кто помешал им вернуться?

— Гунсеги, хозяин, они закрывают к нему все подходы!

— Можно подумать, Салим, это не ты стоял на борту и всаживал стрелы из барийского лука в борта их скрогов.

— Это совсем другое дело, капитан, за нами увязывались два-три скрога, а за Линией Луны их десятки, и все они ждут охотников за сокровищами Голубого Суринама! А еще эти чудовища — морские змеи...

— Откуда такие сведения? — усмехнулся Эрваст. — Йохим сказал?

— Нет, — смутился Салим, — моряки говорят.

— Моряки говорят... Слышал я, что они говорят, особенно после трех четвертей пива.

Эрваст прошелся по каюте и вернулся к молчавшему Салиму.

— Сколько ты собираешься сидеть на нижней палубе с пятью дюжинами вонючих рабов? Или того серебра, что я тебе даю, достаточно, чтобы осталось на безбедную старость?

— О старости я не думаю, хозяин, моряки до нее не доживают.

— Но раз и так все предопределено, почему не рискнуть? Рано или поздно орки вцепятся в нас по-настоящему, или падем под канонами имперских галер — нам не может везти бесконечно... А тут такая возможность, мы ведь ходим всего в двух недельных переходах от острова! Разве ты не замечал, что я вожу галеру все ближе к Лунному Поясу?

— Замечал. Но боялся говорить вам, хозяин.

— Я присматривался, Салим... — Эрваст быстро снял шапочку и промокнул лысину платком. — Я присматривался, я старался определить, как далеко мы можем продвинуться.

— Но морские змеи, хозяин! Они пожрут нас всех! — в панике закричал Салим.

— Заткнись!

Эрваст прижал ладонь к губам помощника и прислушался: как будто снаружи было тихо.

— Мы купим белых ягнят, и змеи пропустят нас...

— Но... орки...

— Я куплю второй канон и «горящие горшки», вот тогда и посмотрим, как горят скроги.

Салим замолчал, представляя себе, что из всего этого выйдет. Второй канон, конечно, дело хорошее, а уже если хозяин раскошелится на «горящие горшки», галера станет неприступной крепостью. Одного горшка со смесью достаточно, чтобы сжечь большую галеру, не говоря уже о скрогах. Это было новое оружие, и стоило оно немалых денег, однако хорошо снаряженная галера могла пробиться даже сквозь орков — те полагались только на крючья и мечи.

— У тебя будет своя галера, Салим, а может быть, и две. Разве не стоит ради этого рискнуть? Неужели лучше сдохнуть на нижней палубе во время бунта гребцов?

— Бунт гребцов? Но ведь вы исправили замок, хозяин, теперь его никто не сможет открыть!

— Я исправил замок, а какой-то раб придумает, как его снять. У них ведь много времени, и каждый думает о том, чтобы сбежать, а если не сбежать, то хотя бы выпустить кишки охранникам. И тебе, Салим, тоже.

— Но ведь у нас хорошая кормежка! Иногда я даже даю им фрукты!

Эрваст горько усмехнулся, вспоминая свою невольничью жизнь.

— Никакая кормежка не примирит человека с цепью и скамьей, Салим, они могут улыбаться тебе, заискивать перед тобой, но стоит нам зайти в Кармер или Досу, как замки могут оказаться открытыми, а гребцы бросятся душить цепями охранников.

Салим кивнул. Закон в Кармере и Досу не признавал рабства, и чтобы доказать свое право на раба, хо-

зяину предлагалось схватиться с ним голыми руками. Нечего было и думать о том, что кто-то из рабовладельцев согласился бы на такое испытание, ведь руки у гребцов были как из железа.

Гребцы знали о законах Кармера и Досу, поэтому подгадывали бунты ко времени захода в эти порты, а хозяева, напротив, старались избегать их. Впрочем, бунт рабов был возможен в любых портах, и относительно защищенными от этой напасти рабовладельцы могли чувствовать себя только в открытом море.

— Ну так что ты скажешь? — спросил Эрваст, прислушиваясь к голосам матросов, которые растягивали для просушки новый парус.

— Я согласен, хозяин.

— Что ж, я в тебе не ошибался, — широко улыбнулся Эрваст и подал помощнику руку. Такой жест был нетипичен для хозяина, и Салим с чувством ее пожал, однако, когда он ушел, Эрваст тщательно вытер руку платком. Он предпочитал не касаться ничего, что напоминало бы ему о жизни на нижней палубе.

3

От духоты, царившей в синдоне, Питер был как в полусне. Мысли о бегстве, и те покинули его, не хотелось ничего, казалось, приди за ним сейчас палачи, он пошел бы с ними, даже не дрогнув.

Внезапно зазвенела цепь, и Питер встрепенулся, разом выйдя из забытья. Неужто правда палачи? Но за что?

Они с Крафтом обменялись тревожными взглядами.

— Отсиделись, теперь снова на скамейки, — обронил один из давнишних сидельцев, который знал здешние порядки.

— Выходи, дармоеды!

Поскольку Питер сидел к дверце ближе других, он

осторожно высунулся наружу, но рослый пират схватил его за плечо и рванул на себя так, что узник свалился на палубу под радостный смех еще двоих пиратов.

— Ну-ка ты, Рванный, поосторожнее с ними, если не хочешь сам за весло подержаться! — прикрикнул на него появившийся Салим.

— А я чего? Он сам скопытнулся, ноги его не держат! — стал оправдываться грубиян и тут же помог Питеру подняться.

За первым узником выбрались и трое оставшихся, щурясь и прихрамывая — после долгого сидения ноги у них ходили плохо. Вдобавок палубы была так разогрета, что стоять на ней босыми ступнями было невозможно.

— Возьмите, прикройте, — сказал Салим, подавая узникам застиранные тряпки. Питер не знал, что с ней делать, но двое бывалых гребцов быстро «оделись» сами и показали, как правильно наматывать тряпки на бедра, пропускать между ногами и затыкать за пояс. Получалось что-то вроде коротких штанов.

— Пошли за мной! — скомандовал Салим, и все четверо двинулись следом. Поначалу Питер думал, что их ведут в трюм, однако это оказалось прогулкой вдоль борта галеры. За узниками следовали трое пиратов с кривыми мечами, чтобы рабы не подумали бунтовать.

Питер почувствовал себя значительно лучше, чем в синдоне. Горячие доски нестерпимо жгли ступни, зато набегавший морской ветер охлаждал тела узников и давал насладиться этой краткой свободой.

Убедившись, что рабы двигаются нормально, Салим повел их к трапу, ведущему на нижнюю палубу.

Питер спускался по нему третьим, после двух бывалых, и заметил, как они набирали полные легкие воздуха, как будто собираясь нырнуть.

Дюжина истертых ступеней трапа, затем двое охранников с неприветливыми взглядами — одна рука на рукояти меча, другая сжата в кулак. Они были гото-

вы к любым действиям новичков и на глаз оценивали их, предугадывая, какие неприятности могут доставить эти гребцы.

За небольшим помещением, где стояли охранники, следовал короткий коридор с одной боковой дверью справа и выходом на нижнюю палубу.

В нос ударил резкий запах пота от шести десятков немых тел, и Питеру показалось, что здесь так же темно, как и в синдоне.

— Эй, Парнис, никак очухался? — крикнул кто-то одному из вернувшихся гребцов. — Мы без тебя скучали!

— Значит, дождались, — без особой радости ответил Парнис.

В дальнем конце казавшейся бесконечной нижней палубы Питер увидел еще двоих охранников, а перед ними на невысокой деревянной банке сидел человек с барабаном. Питер уже знал, что именно он носит прозвище Барабан.

С низкого потолка свисали крючья, на них, поперек палубы, были уложены весла. Они оказались довольно длинными — во всю ширину палубы. Пока судно тянуло морское течение, необходимости в них не было, но если бы пришлось идти против ветра, а еще хуже — бежать от преследователей, гребцы устанавливали весла в срубы.

— Ты — загребным на двенадцатую скамью, — начал распределять Салим, указывая место одному из бывалых. — А ты — загребным на седьмую...

— Хозяин, у нас уже есть загребной! — отозвались с седьмой.

— Нет у вас загребного, — отрезал Салим, который знал лучше, и подтолкнул второго бывалого к месту.

— Так, теперь совсем зеленые. — Салим посмотрел на Питера и Крафта, прикидывая, какой с них выйдет толк.

С одной стороны, они не выделялись ни особой

статью, ни ростом, с другой — их спины были исполосованы плетьюми, а значит, порядок знали.

— Ты, Малой, пойдешь на одиннадцатый серединным, вместо Рыжего, а тот станет загребным.

— У меня руки короткие, ваше благородие! — стал жаловаться Рыжий.

— Ничего, сдюжишь, — отмахнулся Салим. Он хорошо разбирался в том, кто из невольников с какой работой лучше справлялся, поскольку находился на своем месте третий год.

Это только с виду все казалось просто — ори на них да бей кнутом, и станут грести, а на деле каждую тройку гребцов следовало притирать, а троек на галере было двадцать. Вот и побегай, послужи капитану Эрвасту. Да еще болеют гребцы кто поносом, а кто и взаправду — три дня в синдоне и за борт, а новых где взять? В крайних случаях на помощь приходила команда, для этого весельные оглобли оканчивались шишками, на которые набрасывали кожаные петли. За эти петли тянули «четвертные» — четвертые гребцы, обычно члены команды или запасные гребцы, имевшиеся на больших — сорокавесельных и более — галерах.

— А ты, Солдат, давай основным — на восьмую скамью...

— А я в середку, хозяин? — ощерился щербатый гребец.

— Нет, Повитель, ты сядешь загребным, а Карась будет серединным.

Сделав все назначения, Салим обернулся к судовому кузнецу и кивнул, чтобы тот приступал к работе.

Питер дожидался своей участи, сидя между двумя гребцами. Кличка одного была ему уже известна — Рыжий, другой, со шрамом на лысой голове, следил через сруб за перекатом зеленоватых волн. Обоих он как будто видел впервые.

— Ну-ка... — произнес кузнец, оттесняя Рыжего. Потом подвел под железную петлю подхват, ударил по

его лапке и выдернул из петли замок — хитро изогнутую железку, которая удерживала цепь в петле.

— Оп! Разженили! — прокомментировал Рыжий.

Кузнец переставил его цепь на другую петлю, затем взглянул на Питера и усмехнулся:

— Не окольцованный еще, но у нас это быстро... Ну-ка встань!

Питер поднялся.

Помощник подал кузнецу цепь, тот обернул ее вокруг пояса нового гребца, свернул спереди в узел и оставшийся конец заправил в петлю. Сверху поставил новый замок и забил его коротким ударом.

— Все, Малой, поженили тебя! — произнес Рыжий и похлопал по деревянной скамье: — На деревяшке поженили, а ты небось раньше только на девках женился?

«Основной» отвлекся от созерцания волн и, вздохнув, добавил:

— Все одно пропадем мы здесь.

— Ладно тебе, Бычок, может, сбегем еще.

— Сбегешь ты... за борт, когда кровавый понос накатит, — с тоскою произнес Бычок и снова вздохнул, рассматривая свои жилистые, словно сделанные из веревок руки.

— Не жри гнилого хлеба и не задристаешь, это и к тебе относится, Малой.

— А это от хлеба бывает? — решился на вопрос Питер.

— Никто не знает, — признался Рыжий, и от его бравады не осталось и следа. — Может, от воды или от колдовства какого. Наш капитан не один скрог на дно пустил, опять же орки-гунсеги с западного побережья, где каждый ворожбу знает...

— Ты за веслом когда-нибудь сидел? — спросил Бычок, меняя тему. Видно было, что ему хочется отвлечься от тяжелых дум.

— Нет, но за рогатку держался...

— А чего такое «рогатка»?

— Орудие такое, чтоб кавалерию сносить. Или еще для охоты.

— Где ж ты успел, малый такой? — удивился Рыжий.

— В казенных людях был и в солдаты попал.

— Ладно, Малой, неделю тебе на учебу, а потом спуску не дадим, — сказал Бычок, — нам за тебя кнута получать не надобно.

— А чему же здесь учиться? — спросил Питер, удобнее устраиваясь на жесткой скамье и при этом звеня цепями. Для него это было непривычно.

— А вот, к примеру, заднице привычку нажить. Если до крови сотрешь задницу-то, можешь потраву подхватить и тогда вскорости за борт, такое уже случилось, — сообщил Рыжий.

Где-то на верхней палубе закричали, потом затопали, галера качнулась с борта на борт, и на нижней палубе тотчас наступила тишина. Все замерли, ожидая команды.

— Весло в сруб! — закричал от входа Салим. Загребные вскочили со скамеек и стали снимать с крюков весла, передавая их к срубам. В одно мгновение нижняя палуба наполнилась криками и стуком. Питер торопливо передавал весло Бычку, тот просунул его в окно, называемое срубом, еще несколько мгновений — и все гребцы оказались по местам, а весла замерли в воздухе по обоим бортам, готовые взбить пену по первой же команде.

Питер оглянулся на Крафта, тот подмигнул ему — дескать, где мы только не бывали.

И то правда, побывали много где и пока целые.

— Правый — дай! — закричал Салим, и десять весел по правому борту ударили по воде.

— Дай, дай, дай! — ускорил их Салим. Барабанщик не сводил с него глаз, ожидая, что начальник кивнет, и тогда ритм будет поддерживаться барабаном, однако пока судно маневрировало и Салим отдавал приказы

из «колодца», в свою очередь, получая указания от самого капитана.

По палубе бегали матросы, готовясь отразить возможное нападение — слева показались две галеры, на полных парусах и веслах они двигались наперерез галере Эрваста. Капитан стоял у борта, силясь определить, кому принадлежат суда, но символы на парусах были замазаны мелом.

— Кто-то хочет обмануть нас... Борхель, полный парус!

— Слушаюсь, капитан!

— Салим! Средний темп, попытаемся уйти по течению...

— Есть, капитан!

В дело вступил барабан, начав четко отбивать темп, галера перестала раскачиваться и обрела устойчивость, однако неизвестные преследователи приближались.

— Сорок весел, капитан, нам от них не уйти, — заметил стоявший рядом с Эрвастом пират по кличке Пожар. Свое прозвище он получил за сокрушительные действия на палубах атакуемых судов. Пожар первым перепрыгивал на борт жертвы и принимался рубить охрану, отвлекая на себя все внимание и давая возможность остальным прорваться на борт.

— Парус — на борт! — потребовал Эрваст, нервно перебирая агатовые четки, больше он ничем не выдавал свое беспокойство.

До преследователей оставалось не больше сотни ярдов, скоро в дело должны были вступить лучники, а он все еще не мог определить, с кем имеет дело. Экипажи укрывались за бортами и парусом, однако их гребцы отбивали бешеный темп, и никто не беспокоился, что после такой гонки нижняя палуба поляжет вся разом.

— Как будто галера Базилерса, хозяин, — произнес

Пожар, поглядывая из-под ладони на приближающегося противника.

— С чего ты взял?

— Две подшивы на борту совсем свежие, он их месяц назад в Порт-Барке менял. На рифы налетели.

— Но почему же никого не видно? У нас с Базилерсом никаких тренировок не было...

Набежало полкоманды — принесли старый парус и сбросили его с кормы, потом за веревки стали вытягивать на борт, намокший и потяжелевший, зато делавший борт судна невосприимчивым к зажигательным стрелам.

И хотя пираты редко поджигали суда, за которыми охотились, ведь в таком случае им ничего или почти ничего не доставалось, однако на всякий случай капитан Эрваст не пренебрегал никакими средствами защиты.

Наладив движение галеры, выбрался из своего погреба Салим, при нем уже был барийский лук, с которым он неплохо управлялся и мог достать до цели на расстоянии в двести ярдов. С близкого расстояния стрела барийского лука могла пробить борт скрога, отчего тот набирал воды и тяжелел. Борт сорокавесельной галеры был значительно толще, однако и у большего корабля имелись свои уязвимые места.

— Ну что, попробовать их? — спросил Салим, когда до преследователей оставалось каких-то пятьдесят ярдов.

— Давай, — кивнул Эрваст.

— Бей их, Салим! Бей! — закричали другие пираты, уже готовые к контрабордажу.

Салим растянул огромный лук и замер; на палубе чужой галеры по-прежнему никого не было, хотя кое-где над бортами выглядывали лохматые головы.

Щелкнула тетива, тяжелая стрела взвилась в воздух. Все затаили дыхание, гадая, куда она угодит, и

мгновение спустя разразились криками радости — стрела пригвоздила к мачте парус судна-преследователя.

Тут уже его матросы не могли больше прятаться — их галера теряла ход и управление. Несколько человек выскочили из-за бортов и бросились к мачте. Чтобы им не мешать, из-за паруса вышли новые хозяева галеры, и их появление вызвало у команда Эрваста ужас.

— Молоканы, — прошептал один из пиратов, глядя на уродливых гигантов — орков из сырых и туманных западнобережных земель. Про них мало что знали, поскольку попадавшие к ним в плен назад не возвращались. Эти обитатели болот с ядовитыми испарениями были людоедами из сумерек, боявшимися солнечного света, но что-то изменилось в мире, и теперь они ухмылялись, безбоязненно стоя на самом солнцепеке.

— Бейте по ним! Все бейте по ним! — первым нарушил молчание капитан Эрваст. Он понимал, что в абордажном бою у него не будет никаких шансов: молоконы были сильнее орков-гунсегов, которые могли выпрыгивать из своих скрогов прямо на палубы галер. Чего же было ожидать от этих покрытых грязными лохмотьями чудовищ? Как далеко прыгнут они — на десять ярдов, на двадцать?

Два десятка пиратов принялись обстреливать противника из луков, однако на палубе галеры никого уже не было, а двое молоконов укрылись за надстройкой.

— Дайте огня! Несите огня, Балтус, Оперт! — распорядился Эрваст.

На носу его галеры трое пиратов расчехлили канон и торопливо крутили ворота, взводя тетиву железного лука. Канон использовался для стрельбы каменной шрапнелью по команде противника и каменными ядрами по корпусу судна. Пробить его каменное ядро не могло, но от удара расконопачивалась обшивка и в корпусе появлялась течь.

Кок принес углей, и от них стали разжигать обер-

нутые просмоленными тряпками зажигательные стрелы — церемониться с преследователями капитан Эрваст не собирался.

Неожиданно послышался сильный удар и треск, Эрваст перегнулся через борт и увидел торчавший чуть выше ватерлинии дротик. Вне всякого сомнения, он пробил обшивку, и его наконечник теперь торчал на нижней палубе. Не успел Эрваст дать какие-то распоряжения, как из-за надстройки галеры противника вылетел еще один дротик и воткнулся на два фута ниже верхней палубы. Он угодил в шпангоут, отчего загудел весь корпус галеры.

Салим в ответ выпустил еще одну стрелу, целясь в надстройку, однако барийскому луку не хватило мощности, чтобы пробить обе стенки, и молоканы остались целы.

Зажженные стрелы разгорелись, и с полдюжины их одна за другой впились в борт галеры противника. Еще две угодили в парус, но он не загорелся.

С носа галеры Эрваста ударил канон, ядро попало в одно из весел и вышибло его из сруба.

— Отлично, молодцы! — похвалил их капитан, высматривая вторую галеру, которая пока пряталась за ближней.

Салим снова попытал счастья, и его стрела расщепила доску на надстройке вражеской галеры. В ответ прилетели два дротика и проделали еще две дыры в борту — к счастью, далеко от ватерлинии.

Салим сбегал на нижнюю палубу, чтобы посмотреть, целы ли гребцы, но там пока все было в порядке и барабан отбивал средний темп.

Когда между галерами осталось каких-то тридцать ярдов, их курс выровнялся, а затем преследователи стали увеличивать ход, чтобы выиграть полкорпуса для резкой смены курса и абордажного броска. Эрваст это понял.

— Салим, не давай им обойти нас!

- У них сорок весел, капитан!
- Хотя бы немного помешай им!

Салим убежал на нижнюю палубу, и вскоре барабан застучал чаще. Галеры стали идти нос к носу, но с судна Эрваста на преследователей продолжали сыпаться горящие стрелы. Они ударялись в раздутый ветром парус, однако, повисев на нем, падали, оставляя на полотне черные пятна.

— Почему он не загорается?! — в отчаянии кричал Эрваст. Он понимал, что спрятавшиеся за надстройкой молоканы готовятся начать абордаж — их топоры уже торчали над крышей надстройки.

Снова ударил канон, но из-за качки ядро перелетело через первую галеру и угодило в ту, что следовала за ней. Было слышно, как взревели от негодования несколько молоканов, на второй галере их оказалось больше.

Под прикрытием борта бывший экипаж Базилерса начал готовить абордажный мост — новый, сколоченный из витого вязового бруса. Эрваст такого никогда не видел, обычно абордажные мосты делали легкими, чтобы в любой момент повернуть туда, где противник не ждет нападения.

Одна из стрел настигла матроса-установщика, и тот свалился за борт, доказывая, что подневольные матросы молоканов уязвимы. На палубе преследователей что-то дымилось, однако открытого огня видно не было. Еще пять ударов веслами, и, несмотря на стрелы, противник приблизился на два десятка ярдов. Скоро весла галер должны были начать сшибаться и тормозить ход друг друга. Преследователям это было лишь на руку, у них имелась запасная галера, а для Эрваста означало смерть или рабство. Впрочем, на нижнюю палубу он никогда бы не согласился — лучше в море.

— Гляди! — крикнул Эрваст, призывая команду к вниманию, и в тот же момент на носу вражеской галеры кто-то хлопнул по палубе доской. Все отвлек-

лись — всего на мгновение, но этого было достаточно, чтобы из-за пристройки выскочил молокан и, разбежавшись, ловко подпрыгнул на пружинящем мосту. Темный силуэт распластался в воздухе, летящий орк был похож на большую птицу.

— Пропали! — заголосил кто-то из пиратов, а Салим вскинул барийский лук и, не целясь, послал верную стрелу. Она с треском вошла в костистую грудь монстра, и тот рухнул на палубу головой вниз, прошибив своим весом настил верхней палубы и показавшись на второй разбитой мордой.

В это время к мостку бросился второй молокан, но теперь пираты не дремали: прежде чем тот успел оттолкнуться, в него вонзилось с десятков стрел, и молокан с ревом свалился через борт на весла. Преследователи потеряли ход, галера Эрваста как будто стала отрываться от погони, однако это только казалось: за схваткой с двумя молоканами Эрваст и его команда совсем забыли о второй галере, которая набрала ход под прикрытием первой и как будто выпрыгнула из ее тени сразу к бортам жертвы.

Предотвратить столкновение было уже невозможно, с выскочившей галеры полетели крючья и стрелы — на палубе второго судна оказалось не менее двадцати молоканов.

— Порвем им, порежем! — истерично закричал Пожар, распаляя себя перед схваткой. Несколько веревок с крюками удалось срезать, но взамен прилетели полдюжины новых. Еще немного — и весла ударились друг о друга, упали мостки, и команды двух галер бросились друг на друга.

4

Новая работа была Питеру непривычна, но он изо всех сил пытался помочь своей тройке и слушал барабан. Поначалу казалось, что держать ритм просто, но

потом он поймал себя на мысли, что барабана совсем не слышит, а вместо этого старается разобрать доносившиеся с верхней палубы голоса.

Должно быть, что-то там было не в порядке: капитан давал отрывистые команды, матросы метались с кормы на нос и с борта на борт. Потом возле кормы громко плеснула вода и по борту что-то зашуршало.

— Ну вот... — отрывисто проговорил Рыжий. — Парус мочат.

— А зачем?.. — тут же спросил Питер.

— Тяни весло, не спрашивай! — приказал Бычок.

— Должно, опять... скроги привязались... — ответил Рыжий обыденно, и Питер стал успокаиваться. Видимо, угроза была совсем незначительна.

«Лучше грести, лучше учиться правильно грести, — начал внушать себе Питер. — Вот только задница совсем онемела... Но я привыкну, обязательно привыкну и... потом сбегу».

Задвигающимся силуэтом Бычка в срубе что-то мелькнуло, Питер не удержался, чтобы не посмотреть, но едва не получил по лбу весельной оглоблей.

Выбрав момент, он все же выглянул и увидел взбивающие воду весла чужой галеры. Вне всякого сомнения, это был враг капитана Эрваста, а значит, и его, Питера, враг, ведь если галера пойдет на дно, с ней уйдут и все шестьдесят прикованных к петлям гребцов.

— Не верти башкой! — прикрикнул Бычок, и в поддержку его слов по спине Питера хлестнула плеть надсмотрщика.

— Гроби, щенок, а не то полетишь за борт!

Питер зажмурился, ожидая новых ударов, но надсмотрщик ушел, оставалось только налегать на весло.

Суэта и крики на верхней палубе все усиливались, затем раздался неожиданный удар, и футах в трех от Бычка из обшивки показался наконечник острого орудия.

— Вот это привет! — нервно воскликнул Рыжий. — Должно, из канона пустили!

«Бум!» — загудело судно от нового удара.

— В шпангоут врезали! — прокомментировал кто-то.

— Всем заткнуться! Работай веслами! — закричал надсмотрщик и забегал по проходу, бросая на гребцов яростные взгляды. Однако все внимательно прислушивались к тому, что происходит наверху: похоже, кто-то крепко взялся за галеру Эрваста.

Один за другим в борт галеры врезались еще два дротика, они никого не задели, но их острые жала торчали из обшивки на добрый фут. Спустя мгновение по трапу сбежал Салим.

— Все целы? — спросил он.

— Целы, начальник! — почти хором ответили гребцы. Салим убежал, но вскоре вернулся и хриплым голосом потребовал увеличить темп. Барабан застучал чаще, надсмотрщик побежал вдоль троек, замахиваясь плетью и крича, чтобы гребцы шевелились. Впрочем, его угрозы были излишни, все и так понимали, что дело худо, а «основные» возле срубов видели, что рядом идет сорокавесельная галера.

Новый темп оказался Питеру не по силам, у него еще не было необходимого навыка, поэтому Рыжий и Бычок работали за троих.

— Брось... Палку отпусти... — выдохнул Рыжий, поскольку новенький с его попытками помочь только мешал им. Питер это понял, и, едва он отпустил весло, раздался такой грохот, что показалось, будто падает вся верхняя палуба. Однако палуба уцелела, но в ней образовался пролом, из которого торчала половина тела жуткого чудовища.

— Молоканы... — выдохнул кто-то.

— Грести, дармоеды, грести! — перешел на визг надсмотрщик, перепуганный не меньше других.

Питер в ужасе уставился на монстра. Голова гиганта была величиной с огромную тыкву, приплюснутые

черты лица еще более смялись от удара о палубу. Из открытых ран струилась тягучая коричневая кровь, а из оскаленной в предсмертной муке пасти торчали клыки.

Одна рука молокана свисала почти до настила, и на пальцах его огромной пятерни были обломанные, похожие на звериные, когти.

«Надеюсь, с живыми такими я никогда не встречу», — подумал Питер, напрочь позабыв про усталость и натертый на скамье зад.

Другие гребцы тоже смотрели на чудовище; было все еще не ясно, мертво оно или сейчас откроет глаза и полезет в пролом, чтобы сожрать прикованных узников. Страшно.

— Страшно, — произнес Питер.

«Страшно», — повторило чудовище и, открыв глаза, ухмыльнулось разорванным ртом. Питер встряхнул головой, и наваждение ушло.

— Прор...вемся!.. — попытался приободрить его Рыжий, и в этот момент сверху стали доноситься громкие крики.

— Абордаж! — высказал догадку Бычок и покосился на сруб, следя за тем, как приближаются весла другой вражеской галеры. — Хорошо идут, мерзавцы!

Эта гонка длилась совсем недолго, скоро весла скрестились, и грести стало невозможно, наверху затопали, закричали, и началась свалка. Зазвенели мечи, заревели молоканы, было слышно, как ухают по надстройкам их топоры и молоты.

Оставив гребцов, охранники бросились на верхнюю палубу, чтобы помочь своим, однако тщетно — сражение быстро шло на убыль, торжествующие выкрики молоканов свидетельствовали о том, что они одерживают победу.

На нижней палубе молчали, готовясь к смерти, и только барабанщик продолжал неистово отбивать ритм.

Вскоре наверху стало тихо, под чьей-то тяжестью заскрипели ступени трапа, и спустя мгновение из «ко-

лодца» на нижнюю палубу вышел первый из молоканов.

На его уродливом, забрызганном кровью лице играла снисходительная улыбка победителя, в одной руке он держал окровавленный топор, а в другой — шапочку капитана Эрваста. Чтобы войти в проход между скамьями, ему пришлось пригнуться — монстр был на три головы выше обычного человека.

Следом за первым спустились еще двое молоканов. Питер был единственным, кто пытался рассмотреть их лучше, остальные гребцы сидели, потупившись в пол, в надежде, что на них не обратят внимания. В конце концов, тем, кому была нужна галера, пригодились бы и гребцы.

И только обезумевший барабанщик продолжал удерживать высокий темп, выполняя последний приказ Салима.

Молокан с топором обошел свисавшие с потолка останки своего товарища и двинулся к барабанщику, который при виде монстра все ускорял ритм, как будто надеялся этим защитить себя.

Вот молокан навис над барабанщиком, гребцы затаили дыхание, ожидая кровавой развязки. Орк взмахнул рукой и сорвал голову несчастного. Стук барабана прекратился, молокан под хохот двоих собратьев двинулся обратно, поигрывая новым трофеем и орошая деревянный настил кровью.

Вскоре они поднялись на верхнюю палубу, и гребцы остались одни, не веря, что остались живы.

— Обычно орки убивают всех людей... — сообщил озадаченный Бычок. — Так поступают даже гунсеги, а уж молоканы...

— Значит, мы им нужны! — с надеждой произнес Рыжий.

— Теперь у нас новые хозяева, — сказал кто-то сзади.